

ходов к анализу моральной рефлексии: онтологический, гносеологический, логический, аксиологический, психологический, герменевтический (См., например, работы В. П. Коблякова, Е. А. Курносиковой, Ю. В. Согомонова и др.). Одним из аспектов, имеющего актуальное значение в наши дни, является на наш взгляд функциональный подход. Данный аспект позволяет глубже понять сам механизм формирования нравственных норм, принципов и их роль как в культуре общества в целом, так и в отдельных ее видах.

Моральная рефлексия выполняет целый ряд функций в культуре. Назовем основные из них:

- творческая функция: моральная рефлексия, в конечном счете, помогает выработке этических норм и принципов поведения человека;

- регулятивная функция;

- оценочная функция;

- прогностическая функция (с особой силой она проявляется в социальном познании);

- воспитательно-гуманистическая функция.

Моральная рефлексия, бесспорно, испытывает влияние культуры в целом. И в то же время, развиваясь и совершенствуясь, она способствует формированию новых парадигм мышления и поведения человека во всех сферах жизнедеятельности. Нельзя, следовательно, как абсолютизировать, так и недооценивать роль моральной рефлексии в культуре общества.

Н. С. Кожеурова
Москва

АФОРИСТИКА КАК КВАНТ КУЛЬТУРЫ (ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Пословичные изречения и афоризмы являются публичными по форме, философичными по содержанию единицами «народной культуры» (с социальной стороны) или здравого смысла (со стороны индивидуального сознания, усваивающего алгоритмы первичных социальных групп). Это обуславливает необходимость изучения и использования афористики в школьной и вузовской педагогике.

Афоризмом (греч.) называется аббревиатурное, лаконичное изречение, имеющее художественно впечатляющую форму и передающее в то же время глубокую мысль. В. Даль называл афоризмами правило, «основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение» (1, 155). В этой дефиниции важно

подчеркнуть два критерия, по которым можно определить «отца» и «мать» афоризма. Это, во-первых, рожденная в недрах личного мировоззрения оригинальная мысль, обобщающая единичную ситуацию и возводящая ее тем самым в положение достаточно общей. Явление типологизации налицо, и это обстоятельство, философическое и публицистическое одновременно, превращает афоризмы в тот самый «крик, который невозможно сдержать» (М. К. Мамардашвили). «Мой» аббревиарий «хочет» стать «всехним», публичным, т. е. «всенардным, оглашенным, явным, известным» (В. И. Даль). Причем публикация «самодельного» афоризма вызывает эстетико-гносеологическое удовольствие не только у ребенка, но и у взрослого человека тем более, так как он в состоянии тоньше уловить глубину высказывания.

Маленькие дети в период «автономной детской речи» (1, 5-2, 5 года) и старше — почти сплошь творцы афоризмов: «Каждый малолетний ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты» (2, 15). Общаясь между собой или со взрослыми, моделируя мир в играх и рисунках, они стремятся всем элементам ситуации дать имя, объяснение, функцию и опубликовать эти условности, т. е. добиться понимания, договоренности. Для ребенка такая публикация означает, что сконструированный им мир признан наравне с мирами взрослых — ием самым он как бы сравнивается в правах со взрослыми, повышает свою самооценку. А возможность психоэлевации — ценнейший для становящейся личности «витамин Эс», необходимый для психики так же, как для тела — витамин С.

Афоризмы своей «отрывочностью» как нельзя более соответствуют первой (детской) форме бытового философствования ее заземленностью, фрагментарностью, ситуативностью. В то же время через публицистичность афористики человек, сотворивший свой аббревиарий или воспользовавшийся в данной ситуации чужим, обретает возможность сравнения оценок ситуации — своих и чужих. И вот если мой афоризм понят и принят, наши оценки бытия совпадают, то мы можем дальше достигать взаимопонимания, «опустив» эту общую оценку-согласие в копилку совместного опыта. Мы со-глас-ны, наши голоса, «крики» прорезонировали, стали «оглашенными», явными, известными. Подобная ситуация хорошо описана в работе Л. С. Выготского «Вопросы детской психологии» в разделе об автономной детской речи.

Это и есть второй критерий афоризма — релевантность заключенной в нем мысли предполагаемому адресату, «дешифровальщику» аббревиария. Если мировоззренческие поля автора и дешифро-

вальщика далеки друг от друга, непонимание разъединяет людей. В более старшем возрасте «толкиенисты» не понимают рокеров, рокеры — хакеров и т. д., то есть возникают уже не просто афористические идиомы, а целые языковые субкультуры, носители которых не протикают в смысловые поля друг друга. Например, пожилой человек, услышав неподготовленным ухом разговор двух юношей-компьютерщиков о том, что «мать сдохла — ну, так выбрось ее и замени новой», может прийти в состояние аффекта. А речь всего лишь о замене материнской платы — детали компьютера.

Афоризмы не только обобщают житейский опыт и оценивают какую-либо ситуацию, но и задают ориентацию для определенной группы людей (а не для всех без исключения). Афоризмы в народной мудрости противоречат друг другу, в чем сказывается противоречивость самого непосредственного бытия. Интересен в этом плане феномен Ф. Ницше, мастера «изречений и стрел»: он намеренно стремился своими аббревиатурами поколебать неоспоримость общепринятых суждений, и его афоризмы зачастую противоречат классическим. Этими намеренными рахождениями с общепринятыми истинами, принявшими формы догмы, Ф. Ницше заставляет увидеть узость сферы применения афоризмов, их жесткую отнесенность к ситуации, которую обобщели данным высказыванием, и только к ней. Следовательно, афоризмы, будучи элементарной клеточкой обобщений, действуют как кванты культуры лишь в контакте друг с другом, разворачиваясь и взаимообогащаясь в контексте. Краткость — отнюдь не самый главный критерий афоризма, ибо краткость вообще, по мнению древних, имманентна «длинному», глубокому содержанию, если его хотят довести до слуха воспринимающего поскорее, поэкономнее. Гораций советовал: «Чему бы ты ни учил, будь краток».

Итак, философская афористика является наиболее распространенной формой существования мировоззренческих обобщений как со стороны воспитателя, учителя, так и со стороны его подопечного, который ни в коей мере не схож с «чистой доской». Значит, первой задачей субъекта образования является грамотная дешифровка тех афоризмов, которые рождаются в виде рисунков, высказываний, сочинений учеников, а уже второй — анализ и обобщение детской афористики с последующей психо- и интеллектуальной релевацией каждого ребенка. «искусство преподавания есть не что иное, как искусство пробуждать любопытство юных душ и затем удовлетворять его», — считал А. Франс. культурный учитель должен предполагать ум не только в себе, но и в ученике, мало того — искать контакта с этим умом.

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 1.
2. Чуковский К. От двух до пяти. М., 1963.

В. И. Копалов
Екатеринбург

ФИЛОСОФИЯ КАК САМОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ИЛЬИНА

1. Философия на протяжении своей истории, насчитывающей 2500 лет, всегда развивалась как систематическая практика духовного опыта, связанного с культурой и, прежде всего, с национальной культурой. Согласно И. А. Ильину, быть ученым, быть философом — есть, конечно, состояние личное, индивидуальное; но иметь науку, иметь философию, религию, искусство, нравственную культуру, государство — есть достояние всенародное, национальное. «Духовная культура не есть личное, или групповое, или классовое достояние; в своих истинных достижениях она даже сверхнациональна. Но по своему опытному источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразию — она *национальна*, а пределах единой, духовно сопринадлежащей нации, она *всенародна*. Духовная культура народа определяется тем, живет он духовным опытом или нет; и если живет, то в лице большинства, или меньшинства, или отдельных, исключительных индивидуумов; и притом интенсивна и предметна эта жизнь или нет. Этим то состоянием всенародного духовного опыта определяется и судьба национальной философии» (См.: Ильин И. А. *Религиозный смысл философии (Три речи)* // Ильин И. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 42).

В этом фрагменте заключается целая программа, характеризующая философию как самосознание культуры. В творчестве И. А. Ильина есть немало работ, в которых данная тема рассматривалась специально. Однако концентрированное изложение этой проблематики мы находим в трех лекциях (в трех речах, по авторской версии), прочитанных в разные годы его интенсивной деятельности. Этот «триптих» включает в себя следующее: «Философия как духовное делание» (1915); «Философия и жизнь» (1923); «О возрождении философского опыта». Весь этот цикл лекций был опубликован автором под общим названием «Религиозный смысл философии» (Париж, 1925).

Вместе с тем содержание этих лекций выходит далеко за пределы названия каждой из них и общего авторского названия всего